

«КУЛЬТУРНЫЙ КОД РОССИИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ
«ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА

«Письма русского путешественника» – книга с несколько необычным для этого жанра, отчасти даже провокационным сюжетом. Заявленный как «линейный» обзор перемещения героя-повествователя в пространстве (Пруссия – Саксония – Швейцария – Франция – Англия), в глубине текста он принимает вид некоей причудливо организованной «сети», состоящей из множества причудливо переплетенных сюжетных линий, образуемых благодаря упомянутым в книге философам, писателям, драматургам, актерам, театральным постановкам, произведениям искусства, природе, бытовым подробностям, – и еще многому-многому другому, что в совокупности формирует карамзинское повествование как динамичную систему, находящуюся в непрерывном становлении, а карамзинскую книгу – как книгу, которая, в сущности, никогда не кончается.

Одним из таких «дополнительных сюжетов» «Писем...» может быть назван и своеобразный «сюжет России». Исследователи говорили о нем всегда – само название «Письма *русского* путешественника» неизбежно провоцировало на то, чтобы выделять именно этот «диалог» России и Европы. Отдельным вопросом для исследования может быть даже сама история изучения этой проблемы: как в разные периоды ученые оценивали и направленность этого диалога, и его существо. Изучать нужно, без сомнения, и упоминаемые в книге русские реалии (которые выстраивают отдельные дополнительные «сюжеты», и самый крупный и важный из них – связанный с Петром I). Благодаря трудам Ю.М.Лотмана выявлены многие грани сконструированной Карамзиным личности героя-повествователя – «русского путешественника», «русского европейца», заинтересованное внимание которого делает его похожим то на скифа-«дикаря» Анахарсиса, то,

напротив, ставит в один ряд со светилами интеллектуальной жизни Европы конца XVIII века...

Так каков же он, «код России», предложенный в книге Карамзина? Сложность разговора об этом отчасти предопределена его собственными эпатажными замечаниями, характерными для раннего, условно говоря, «космополитического» этапа развития его мировоззрения: «*Все народное*⁷ ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!». Однако, даже утверждая это, Карамзин-повествователь и Карамзин-мыслитель в книге нащупывает целый ряд важных и именно «народных» черт, помогающих понять в том числе культурный «код» России:

- внимание к языку: сама идея «путешествия» во многом оказывается этим движением к обретению языка, осознанию возможностей языка в живом общении с миром и с окружающими людьми;

- внимание к истории как «училищу» и «священной книге» народа, воплощению его духовного опыта;

- внимание к «другому» как источнику нового знания, которое очень важно для русского путешественника именно как возможность расширить горизонты.

Своеобразный «код России» в «Письмах...» – это прежде всего готовность с живым глубоким интересом всматриваться и вслушиваться в окружающий мир, любить людей, с которыми столкнула его судьба. Не случайно в книге Карамзина столь важное значение получает метафорический образ «зеркала»: «Глаз, по своему образованию, не может смотреть на себя без зеркала. Мы созерцаемся только в других предметах». Возможность «отразить «и «отразиться» – это и есть, по мысли писателя, возможность по-настоящему понять – причем не только «другого», но и себя самого.

Эту-то жажду понимания и вырастающую из нее готовность к диалогу, открытость ему, искреннюю увлеченность в нем, как своеобразную черту русского национального характера, и открывает Карамзин в своей книге - и именно она в перспективе будет предметом осмысления русских писателей XIX века: и в размышлениях Ф.М.Достоевского о «всемирной отзывчивости» А.С.Пушкина как родовой черте русского характера, и в версиловском «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия. <...> русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим! У них теперь другие мысли и другие чувства, и они перестали дорожить старыми камнями... <...> Одна Россия живет не для себя, а для мысли, <...> а для одной лишь Европы! А им? О, им суждены страшные муки прежде, чем достигнуть царствия Божия» – вплоть до пророческого размышления Ф.И.Тютчева о дарующем человечеству надежду на спасение «втором» единстве:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...